

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия: «Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой»

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Иллюстрация на обложке — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия Михайловна.

Т35   Лица Борга, похожая на человека и удивительная : [роман] / Наталия Терентьева. — Москва : АСТ, 2015. — 384 с. — (Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой).

ISBN 978-5-17-089752-0

Успешная столичная журналистка Лица Борга привыкла сама справляться и с трудностями, и с одиночеством. Но в результате аварии она приобретает удивительный дар, начинающий неумовимо менять ее жизнь.

Как не потеряться в огромном равнодушном мегаполисе? Судьба предлагает Лике очень неожиданный рецепт: не хочешь быть одиноким — услышь другого. И дальше — вмешайся, помоги, возьми на себя часть его боли и проблем. И твой мир наполнится теплом, светом... и любовью!

Увлекательный роман московской писательницы Наталии Терентьевой — удача для всех, кто выбирает хорошую прозу, ценит легкий и ироничный стиль, меткий психологизм и завораживающие повороты сюжета. В нем есть интрига, надежда, тайна...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089752-0

© Н. Терентьева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Моей маме, с бесконечной любовью,
посвящается*

Глава 1

«Тот, кто надзирает над этим миром на высшем небе,
Только он знает. А может быть, и он не знает?»

Ригведа. «Гимн о сотворении мира»

Это случилось внезапно. И я точно знаю, когда это произошло. Мне ничего не остается, как верить в это и жить с этим, потому что иначе не получается.

Я пытаюсь восстановить события того утра. Точнее, не события, а ощущения, поскольку я лежала неподвижно, с ногой, привязанной на растяжке.

В ту ночь мне приснился папа. Папа пропал без вести десять лет назад и, как и положено покойникам, снился мне ночами, когда шел дождь и мокрый снег. Но в ту ночь не было ни дождя, ни снега. Ночь была прохладная и сухая, обычная апрельская ночь. Папа в моем сне звал меня поехать на море, а я объясняла: «Да как же я поеду, ты же знаешь, если я сяду в самолет, он обязательно разобьется! А там, кроме меня, будет еще много людей...»

Проснувшись, я первым делом посмотрела в окно. Да нет, никаких признаков плохой погоды. Думать, почему должен разбиться самолет, в котором именно я полечу, я не стала. В палату вошел Константин Игоревич, мой лечащий врач.

И еще до того, как он, тяжело вздохнув, собрался спросить меня, как дела, я поняла, что у него очень сильная изжога. Она мучила его ночью, мучает и сейчас. Изжога у него бывает всегда, когда он ест тяжелые, толстые котлеты, которые жарит его

6   теща, теперь уже бывшая. Но вчера он навещал сына и съел вместе с ним котлету. И теперь ему нехорошо и тошно, тянет желудок, печет пищевод, и вдобавок остро, резко дергает печень. Все это за секунду пронеслось у меня в голове, одной, очень понятной и простой картинкой.

— Откройте, — кивнула я на бутылку «Эссентуков», стоявшую у меня на столике у кровати. — С пузырьками гораздо лучше, врачи просто не понимают. Сразу все пройдет.

— А... — начал было Константин Игоревич и осекся.

Секунду помедлив, он подошел к моему столику, открыл бутылку минеральной воды и с удовольствием выпил сразу полбутылки.

— Сейчас будет лучше, — сказала я. — Больше их не ешьте.

Константин Игоревич стоял передо мной. В одной руке у него была бутылка, в другой — металлическая крышечка. От растерянности врач замер с поднятыми руками. Потом не глядя поставил бутылку на столик, на самый край, чуть не уронив ее, пытаясь приспособить как-то на место крышечку, и стал отступать к выходу, бормоча:

— Ага, ну вот... Сейчас мы только... Прекрасненько...

Я подумала, что, если он вернется с психиатром, ничего удивительного не будет. Но он просто в тот день ко мне больше не зашел. Зато зашла медсестра Зоя Павловна.

Обдав меня довольно крепким запахом рижских духов (где она только их сейчас покупает?), Зоя Павловна решительно прикрепила мне тонометр и спросила:

— Как спалось?

— Нормально, — ответила я, понимая, что хуже, чем сегодня рано утром поступил с Зоей Павловной ее любовник, молодой татарин Рафаэль, поступить с женщиной просто нельзя. Конечно, она же христианка, для него — неверная, с которой можно делать все, что угодно, ни бог, ни люди не осудят. Вспоминать это невозможно, а забыть просто нельзя. Вот и как теперь жить, ощущая себя... Да нет! И слов-то таких нету! И никто не поймет, как ей тошно смотреть теперь на мужчин! И на женщин, с которыми так не поступали, как с ней...

Мне захотелось сказать Зое Павловне что-нибудь 7
хорошее, несмотря на то что она туго перетянула мне
ноющую после аварии руку и, померив давление, резко
сдернула рукав тонометра.

— Зочка Пална, а вы в восьмидесятом году, когда в
Москве была Олимпиада, еще в школе учились? — спросила
я невзначай.

— Я? — оторопела Зоя Павловна. — Нет... То есть...
А что? — тут же подобралась она, подозрительно глядя на
меня.

— Ничего... Просто... Думаю, может, мы в одной школе
учились, вы похожи на одну девочку, на год старше меня
была. Зойка... Красивая, гордая такая...

Зоя Павловна коротко засмеялась. Плечи расправила,
но всё же спросила потом:

— Что? Попросить чего-нибудь хочешь? Принести тебе
чего-нибудь? Купить коньячка? Или окошко открыть, по-
курить хочешь?

— Да я не курю вообще-то, — вздохнула я.

— Вот и не кури, — Зоя Павловна похлопала меня по
здоровой ноге. — Школу я на десять лет раньше тебя окон-
чила. А если что надо, так и скажи.

Она одним движением сгребла скомканные салфетки с
моего столика и пошла к выходу.

Сама не знаю, почему я взяла и сказала ей вслед:

— Я думаю, лучше быть одной, чем такое терпеть...

Зоя Павловна вздрогнула и обернулась:

— Что?

Я закрыла глаза, понимая, что лучше мне сейчас больше
ничего не говорить.

Глава 2

Утро было тихое и прозрачное. Нормальное апрельское
утро, каким оно, наверно, и должно быть. Таких дней в апреле
наберешь — раз, два и обчелся, — когда весна кажется весной,
а не муторно и бесконечно тянущимся, промозглым ноябрем,
имеющим право на среднерусской равнине длиться полгода.

8 Откуда я, собственно, знаю, что такое нормально? Почему-то мне кажется, что в моем детстве все было по-другому. По-другому шло время, и весны хватало, чтобы вдоволь надышаться прелым снегом, насмотреться на пронзительное синее небо с резкими силуэтами черных веток на нем, готовых взорваться новой жизнью...

Я осторожно нажала ногой, с которой только что сняли гипс, на педаль. Нормальная моя нога. И ничего, что маленький кусочек моего сустава сделан теперь из какого-то металла с гибкой пластиковой скобой. Металлопласт, иными словами. Как немецкие трубы «Рехау» в моей новой квартире. Новая квартира, новая нога... Что еще приготовила мне жизнь в этом году, так хорошо, весело начавшемся и вдруг резко затормозившем вместе с моей машиной, потерявшей равновесие на небольшом сугробе во дворе и плюхнувшейся на собственный бок? Плюхнувшейся тяжело, всей своей двухтонной массой, и замершей в неудобной, странной позе?

Я помню все отлично. Как сидела, точнее, лежала на правом боку и не могла понять, где же земля — где верх, а где низ. Куда смотреть и откуда вылезать. Потом резко потянуло ногу, и во рту стало горячо и липко, и сильно запахло кровью. И почему-то больше я ничего не помню. Врач позже сказал, что из-за болевого шока я потеряла сознание, но я-то никакой сильной боли не помню — только металлический вкус во рту и странную, перевернутую картинку перед собой. И еще морду какой-то рыжей собаки, которая, прижавшись носом, смотрела на меня сквозь треснувшее мелкими брызгами стекло...

Дома меня ждал засохший цветок, моя любимая строманта, «моленьщица», с красными полосатыми листьями, поднимающая и опускающая свои тонкие стебли каждое утро и вечер. Она выпила всю воду из поддона, стояла-стояла с поднятыми вверх листьями, словно моля меня хоть о капельке воды, и не выдержала. Я аккуратно обрезала все засохшие листья, кроме одного, в котором, мне показалось, еще теплилась жизнь. И загадала — если выживет строманта, то и я поправлюсь окончательно. Буду играть в теннис, висеть вниз головой на тренажере, который недавно купила, и ходить в пешие по-

ходы по карельским каменным разломам, фотографируя 9 древние наскальные рисунки прямо у себя под ногами, — по крайней мере, так до аварии я планировала провести будущий отпуск.

Я включила побольше света и телевизор, чтобы ощутить себя дома. Дома — в новом доме, к которому я еще не привыкла. Переехав, прожила две недели и попала в больницу почти на два месяца.

Диктор, молодая хорошенькая журналистка, рассказывала о том, что на Дальнем Востоке в каком-то поселке нет света вот уже восемь дней. А я смотрела на нее и понимала, что журналистка еле сдерживает слезы. Сегодня утром ей сказали, что у нее никогда не будет детей.

Я понимала ее, мне когда-то тоже такое сказали, правда, с оговорками, что дети могут быть не только рожденные тобой. Ведь столько брошенных или осиротевших детей, которым нужна забота и любовь. Но я так и не пришла ни за одним из них в приют. Даже не пыталась. И этой журналистке тоже кажется, что страшнее горя, что она не сможет никогда сама родить, — нет. Почему вот только я это знаю? Не рано ли я вышла из больницы? Не нужно ли мне было сказать о своих странных ощущениях после аварии лечащему врачу и попросить консультацию хотя бы психолога, если не психиатра?

Я решила для спокойствия проверить как-то свои ощущения, а пока не паниковать. В конце концов, у меня была какая-то двоюродная прабабка или даже родная, которая видела и слышала то, что другим не было слышно и видно. Ворожила, лечила... Может, у меня проклюнулись ее гены? Только я никак использовать это не собираюсь. Оно и расосется наверняка, если не обращать на это внимание.

Просмотрев подряд новости по всем каналам и кое-что еще поняв про журналистов и ведущих программ, с некоторыми я была и так знакома, но не знала подробностей их жизни, я позвонила своей маме.

По первому звуку ее голоса я уже знала, что результаты маминых последних анализов хорошие, что ее сын Валерик, мой сводный брат, вчера приводил очень милую девушку,

10 показывал ее маме, чтобы та, наконец, одобрила его избранницу, что маме хочется именно об этом со мной поговорить, а вовсе не о моей сломанной и сросшейся ноге.

— Она действительно будет его слушаться или только пока такая покладистая? — с ходу спросила я маму.

— Вот и я думаю, может, просто притворяется пока... — подхватила мама и тут же осеклась. — Кто? Ты откуда знаешь? Тебе звонил Валерик?

— Нет, мам... То есть... Ну да, почти. Неважно. Ты лучше скажи, тебе, наконец, можно чай пить с сахаром и конфетками, правда? Анализы хорошие, я очень рада. И фрукты сладкие можно есть. Я к тебе приеду сегодня, хорошо?

— Хорошо... — растерянно ответила мама. — Нет. Не сегодня. Сегодня я в парикмахерскую иду! Давай завтра.

Собственно, я уже выяснила то, что хотела. С мамой я предпочитаю общаться по телефону, чтобы в случае необходимости свернуть разговор и не поссориться по пустякам.

Я выяснила, что со мной после аварии что-то не в порядке. Я не привыкла сидеть сложа руки и ждать, пока проблема рассосется сама собой. А если я в который раз думаю о психиатре, это ведь проблема? Я полистала телефонную книжку и набрала номер.

— Можно мне срочно на консультацию к доктору? Я не записана, но он меня примет, я уверена. И даже будет очень рад.

— В одиннадцать тридцать вас устроит? — чуть помедлив, спросила секретарь.

— Вполне, — ответила я, допивая на ходу кофе и одновременно доставая из шкафа чистую блузку. — Уже еду.

Доктор Семирява, дорогой и уважаемый психиатр, был действительно мне знаком. Не знаю, сразу ли он узнает меня. Но я-то отлично помнила Костю Семиряву, потому что знала его с детства.

Черненький, симпатичный Костя влюбился в меня, когда я училась в первом классе, а он — в третьем. Костя был из хорошей семьи врачей, и родители отпускали меня к ним посмотреть фильм «Семнадцать мгновений весны». У нас еще не было телевизора. И все двенадцать серий я с замиранием сердца про-

вела в скромной квартире Семиряв, перед коричневым 11
полированным телевизором, казавшимся мне просто
огромным. Собственно, квартиру Кости я почти не помню, его
самого, наверняка сидевшего рядом, тоже. А вот свое волнение
от замечательного фильма и величественный, большой теле-
визор — помню прекрасно.

Костя мне нравился, но не сильно. И как-то быстро на-
доел. Мне стало скучно и даже неприятно от его влюбленно-
го взгляда. И я перестала к ним ходить, тем более что у нас
вскоре появился свой телевизор. Видя Костю во дворе, я
делала вид, что увлеченно смотрю в другую сторону.

Зачем было идти сейчас именно к нему? Не знаю. Я не
раз слышала от знакомых, что он хороший врач, даже как-то
записала его телефон для брата Валерика, когда он тосковал
полгода без видимых причин. И сейчас мне идти к врачу, с
мамой которого я время от времени встречаюсь в булочной
и здороваюсь, спрашивая о новостях в Костиной жизни,
было спокойнее.

Костя меня, конечно, не узнал. Девочки, взрослея,
сильно меняются, особенно те, которые так безнадежно
нравились. Вряд ли сегодня во мне он увидит ту жестокую
соседку, которая вдруг непонятно почему перестала с ним
дружить двадцать шесть лет назад.

— Я — Лика. Помнишь, Костя? Мы жили в соседних
подъездах. Я специально пришла к тебе. Потому что знаю,
что ты хороший врач и отнесешься ко мне внимательнее,
чем кто-либо другой. Я права?

Костя удивленно и довольно прохладно посмотрел на
меня. Не думаю, что он вспомнил меня и сейчас, но, соб-
ственно, какая разница? Мне все равно было спокойнее раз-
говаривать с ним, чем с незнакомым врачом. Я села напро-
тив него и в окрепшем, возмужавшем, на вид сегодня явно
хорошо выпавшемся и с аппетитом позавтракавшем чело-
веке увидела маленького мальчика, смущенно взглядывав-
шего на меня каждый раз, когда мы встречались во дворе.

— Я слушаю... вас, — сказал Костя. И отодвинулся от
стола, на котором был включен ноутбук. — Готов выслушать
и помочь.

12 Я посмотрела, как он откатился на большом кресле от стола, и уже все знала. Костя даже не мог предположить, как много я узнала, пробыв рядом с ним полминуты или даже меньше. Выспался-то и позавтракал он действительно неплохо. Но сегодня утром жена тяжело всхрапнула в тот самый момент, когда он потянулся к ее теплоте, полностью, так хорошо знакомому рукам бедру. И этот ее всхрап был совсем некстати. Минуту-две он лежал, пытаюсь понять, стоит ли продолжать, и, поняв, что не стоит, резко встал.

«Костик?» — спросила жена за его спиной. Он ей не ответил, хотя она вовсе не была ни в чем виновата. И не ответил позже, за завтраком, когда она пыталась о чем-то с ним разговаривать. Ерунда, всё полная ерунда, такое бывало и раньше. Но сегодня почему-то ему было противно на нее смотреть.

Раздражал след от крохотных трусов, сильно впивавшихся в ее когда-то худенькие и трогательные, почти мальчишеские бедра, за годы ставшие квадратными, след, так сильно видневшийся под обтягивающими брюками цвета хаки... Странный цвет для женских брюк... Цвет, придуманный для маскировки солдат в грязной, пыльной траве... Зачем обтягивать такой тканью полные женские ноги, похожие на две тяжелые, мощные колонны?

Раздражали небрежные прядки плохо покрашенных светлых волос... Неужели нельзя причесаться, перед тем как идти на кухню, готовить завтрак? Заколоть, что ли, как-то, убрать эти волосы... Или чаще мыть их, каждый день, например...

Раздражал запах пряных духов, непрозрачный, настойчивый... Духи он сам подарил Рите на день рождения, сам выбирал... Но в магазине они почему-то пахли просто ландышем, светлым, свежим и очень милым ландышем...

Может, так пахла молоденькая продавщица, стоявшая рядом и помогавшая ему выбирать духи? Пахла молодостью и желанием нравиться? Простым желанием обнять его, совсем незнакомого мужчину, и отдаться ему просто так, даже не знакомясь, ничего не спрашивая, не требуя, не ожидая продолжения?

Я слышала или увидела, или не ясно как, но по- 13
няла все Костины мысли и ощущения. И на всякий
случай сказала, просто чтобы убедиться, что я не сошла с
ума (или убедиться в обратном, не знаю):

— Духи надо на улице нюхать. На бумажку набрызгать и
выйти. А то может оказаться совсем другой запах. Я тоже очень
сложно к запахам отношусь. Иногда беру интервью у кого-ни-
будь и с ума схожу, начинаю задавать ужасные вопросы...

Костя молча смотрел на меня, ничего не говоря и не
двигаясь. Он перестал крутиться на кресле и постукивать
пальцами. Я понимала, что должна ему как-то помочь. Себе
мне придется помогать самой, это уже очевидно.

— Я поэтому пришла, понимаешь? Что я все про всех
теперь знаю.

— Ты ведь Лика, да? — наконец выговорил Костя. —
Лика Борга? Или... Ты не меняла фамилию?

— Нет! Я даже замужем толком не была. Все выбира-
ла-выбирала, да так и не выбрала. Костя... Я с ума не сошла,
не знаешь?

Костя не очень уверенно качал головой, как-то странно
на меня смотря. Но никогда бы раньше я не поняла смысл
этого взгляда! А вот теперь понимаю. Костя увидел, как под
тонкой трикотажной кофточкой округло и аппетитно рас-
положилась моя не самая выдающаяся, но и не такая уж
скромная грудь. В тесноватом лифчике, на бегу как-то схва-
ченном в магазине, она приобретает недостающую до треть-
его размера тяжесть и объем. А когда я сейчас подняла руки,
чтобы подтянуть сзади резинку на хвосте, Костя представил,
что неплохо было бы, если бы он подошел сейчас ко мне,
ничего не говоря и не объясняя, и я не стала бы ничего спра-
шивать, просто подалась бы навстречу...

— Да, наверное, было бы неплохо. Но я ведь не затем
пришла, — ответила я.

Костя как-то странно повернул набок голову, открыл
рот, чтобы что-то сказать, даже издал какой-то звук, но по-
перхнулся и стал кашлять.

— Вот и я говорю. Непонятно, как жить дальше, правда,
Костик? Думала, ты мне как-то поможешь.

14 Я встала и решительно направилась к двери.

Костя, опомнившись, догнал меня уже у самой двери своего кабинета.

— Подожди, Лика! Что-то не так... Я... Ты прости меня... Я не сразу тебя узнал и... Расскажи спокойно о своих проблемах.

— Расскажу, конечно, — кивнула я. — Не сегодня. Я долго была в больнице, надо съездить на работу. Я еще приду.

«Досмотрю интересный фильм, — вдруг пронеслась в голове развеселившая меня мысль. — Про Риту, про продавщицу, про себя саму...»

Да, это было похоже на фильм. Только очень быстро идущий. За одну секунду я успевала увидеть и понять то, что на экране пришлось бы показывать минут пять. Как волновался Костя и как сердился, как желанны или отвратительны бывают одни и те же женщины...

Глава 3

Я решила все же заехать вечером к своей маме. После парикмахера она обычно пребывает в благодушном состоянии, красивая, помолодевшая. Меньше будет ревновать меня к отчиму, которого я всю жизнь считаю старичком. Даже когда ему было меньше, чем мне теперь, он казался мне дряхленьким и стареньким. А мама все ревнует и бдительно никогда не оставляет с ним наедине.

На работе меня первым делом остановил заведующий нашей редакцией.

— Борга! Ты выздоровела или просто так зашла?

— Выздоровела, Вячеслав Иванович! — ответила я, тут же с ужасом поняв, что Вячеслав Иванович рассчитывал, что я долго проболēju, и взял на мое место свою племянницу. Взял временно, очень надеясь, что она задержится надолго. Может быть, даже займет мое место. И будет на моем месте спокойна и аккуратна. А я стану нервировать какого-нибудь другого шефа. — Прямо сейчас приступаю к работе. Уже созвонилась с Веденевым, помните, мы говорили о нем? Сегодня еду брать у

него интервью, он горит желанием рассказать о своих успехах в спорте и в политике... 15

— Да, но... Может, тебе еще полечиться? Поможем организовать хороший санаторий...

— Пойду на столе порядок наведу, — миролюбиво кивнула я. — Сгоню для начала вашу Верочку!

Вячеслав Иванович только крикнул, решив, что мне рассказали про Верочку сослуживцы. Перечитать мне он не стал, зная, как любит меня хозяин всего нашего медиахолдинга, а по-русски — нескольких газет, журналов и книжного издательства, объединенных под одним названием «Нооригмы» — странным и не очень благозвучным, но привлекающим внимание своей необычностью и отличающимся на слух от других журнальных изданий. Хотя означает всего лишь навсего — «Новая оригинальная мысль».

Я постепенно привыкала к своему новому состоянию, или ощущению, или новой способности, появившейся у меня после аварии. Я даже попробовала понять, от чего зависит, понимаю ли я вдруг, что происходит в душе у человека, или не понимаю. Сама я не прилагала к этому никаких усилий.

Но, войдя в большую комнату, где стоял мой рабочий стол и, кроме меня, всегда сидело не меньше пятнадцати человек, я отчетливо поняла, что у моего соседа напротив, вяловатого Виталика, болит зуб, и весь мир в этой связи кажется неприятным и враждебным.

И что у соседки сбоку, журналистки с большим стажем, увлекшейся в последнее время теософией и религиозной подоплекой всего сущего, потерялась собака, и Лариса Ивановна вчера безуспешно искала ее целый вечер и потом печатала объявления и ночью расклеивала по району. А теперь судорожно хватает трубку телефона, в надежде, что кто-то позвонит и хотя бы продаст ей ее собственную собаку, любимую и драгоценную Лялюшеньку, пушистую палевую пуделиху, которую Лариса воспитывает с тех пор, как уехал в Финляндию за жилистой и пьющей как мужик финкой единственный сын Васенька...